

ДЕСЯТЬ СТРЕЛ ДЛЯ ОДНОЙ

р о м а н

Новые приключения
самой знаменитой пары:
журналиста Димы
Полуянова и его верной
подруги Нади
Митрофановой!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Annotation

На скромную библиотекаршу Надю Митрофанову свалилось неожиданное наследство: дом с прекрасным садом в ближайшем Подмосковье. Правда, соседи там довольно неприятные: зловещая слепоглухая ясновидящая, стареющая красотка-психопатка, пьющая куриную кровь, и подозрительный, всюду сующий свой нос пенсионер. А над дачным поселком возвышается темный недостроенный замок, на развалинах которого произошло уже не одно убийство. И с того дня, когда Надя и ее возлюбленный, журналист Дмитрий Полуянов, переступили порог своего дома, с ними начали происходить странные пугающие события, которые совсем не вяжутся с безмятежным дачным отдыхом...

Анна и Сергей Литвиновы

Десять стрел для одной

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Все герои вымышлены, все события придуманы.

В реальности ничего подобного никогда не происходило.

По пятницам она всегда ездила в офис на метро. Коллегам говорила: глупо тащиться на машине в самый пробочный день. Да и бокал вина приятно выпить на излете рабочей недели.

Сослуживцы (наивное стадо!) понимающе кивали. Они были уверены: начальница – безбожно скучна. По будням – строит карьеру, по выходным – грустит перед телевизором. Никому в голову прийти не могло, что вся ее жизнь – сплошной миф. Что истинное ее имя – Апата. Богиня лжи и обмана.

И что счастлива она только в этой своей ипостаси.

Когда рабочая неделя заканчивалась, Апата спешила к метро. Поначалу еще мелькали знакомые лица: вечная бабуся из ларька с проездными, грустный парень-сэндвич («глушители и жестяные работы»), пьяненький афроамериканец с листовками танцевальной школы. Но чем глубже в подземку, тем дальше от банального вечера пятницы.

Богини лжи и обмана проводят выходные по собственному регламенту. Апата никогда в жизни не видела «Поле чудес» и ни разу не покупала себе пенную бомбу для ванны. Она не посещала спа-салоны и не мечтала улучшить внешность. Привлекать к себе внимание любит ничемная птица павлин. А ей куда больше нравилось быть мимолетной тенью. Размытым отражением. Отзвуком.

На работе (что поделаешь) требовалось носить маску.

Клиенты – в большинстве мужчины. Им скучно вести дела с девушкой в бесформенных джинсах. Приходилось одеваться на потребу самцам: каблуки, юбка выше колен. Блузка или водолазка в обтяжку. К концу недели ненавистная шкурка натирала отчаянно. Апата минуты считала, когда сбросит наносное и обратится в себя истинную.

Уйти с работы одной никогда не получалось. Коллеги не оставляли в покое, тянулись за ней, терзали скучными разговорами про киношки, кафешки, премьеры и чем заняться в выходные. Апата виртуозно выдумывала собственные планы: фитнес, гольф, теннис, конный спорт. Поезд метро несся вперед. Сослуживцы постепенно выходили, отсеивались. Она покидала состав на «Комсомольской». Якобы шла на пересадку – все знали, что у нее квартира в Сокольниках. Попугчиков на красную ветку, по счастью, не было. Апата медленно шла по платформе. Доставала пудреницу, на ходу пробегалась по лицу пуховкой. На самом деле не пудрилась – смотрела в зеркальце, убеждалась: за ней никто не следует. И ни на какую пересадку не шла. Направлялась к вокзалам. На Ярославском, в камере

хранения, брала сумку. Дальше перебежала на Ленинградский, в платный душ. Заходила в раздевалку. Запихивала офисную униформу в пакет. Надевала шлепки. Шла в помывочную. Становилась под горячие струи. Смывала с себя косметику и фальшь рабочего дня. Потом вытиралась. Натягивала мягкие черные брюки. Влезала в любимую водолазку, или толстовку, или куртку – тоже обязательно черные. Со стоном восторга натягивала удобные мокасины. Стирала с ногтей красный лак, собирала волосы в хвост. Доставала очки с дымчатыми стеклами.

Душевую всегда сторожила одна и та же одышливая, но сноровистая старуха. Она цепко вылавливала из потока наркоманок и пьяных, горласто орала на редких смелых, кто проскакивал, не заплатив. Иногда сверялась с плакатом «Внимание, розыск!», что висел у нее за спиной. Но метаморфоза, которая каждую пятницу происходила с Апатою, ее не интересовала. Взгляд всегда равнодушный: «Без сдачи есть? Спасибо. Проходите».

«А может, давно заметила? И сообщила куда следует?»

Но, видно, не было такого закона, что девушке по пятницам нельзя менять имидж. И представители власти ни разу к ней не подходили. А подошли бы – ничего страшного. Паспорт, гражданство, прописка – все в полной норме.

Апате в принципе ничто не мешало ездить после работы домой и переодеваться там, без всяких посторонних глаз. Но жаль было терять полтора часа времени. Плюс вокзальный антураж (камера хранения, белый казенный кафель, мельтешение лиц) вдохновлял. Хорошо настраивал – на риск и грядущее беззаконие.

Апата вежливо кивала старухе, сторожившей душ. Закидывала в камеру хранения сумку с офисной одеждой и мокрым полотенцем. Она поменяет ее на другую как-нибудь вечером, на неделе.

Потом снова прыгала в метро. Теперь путь лежал на Рижский. Или на Курский. Там электричка – до станции Павшино. Дальше автобус или маршрутка. Хотя пригород совсем ближний, народ здесь гораздо любопытнее, чем в столице. И новых лиц мало. Таксисты косятся, тетки-торговки, прохожие. Любопытно им, куда это она собралась. Молодая. Не местная. Одна. В пятницу вечером. В черном.

Можно было переодеваться. Экспериментировать с гримом. Но Апата предпочитала не внешность менять, а постоянно выискивать новые маршруты.

Пока их было наработано семнадцать. Недавно придумала восемнадцатый: от Тушинской, оказывается, прямо до Павшино можно докатить на маршрутке. А дальше – юркнуть в Железнодорожный переулок, попетлять, убедиться, что никто за тобой не следует, – и в лес, на тропинку, с фонариком.

Ночной природы Апата боялась куда меньше, чем людских, просвечивающих до доньшка глаз. Что плохого ей может сделать лось или филин? А от бродячих собак она носила с собой перцовый баллончик.

Любимый иногда встречал ее на полпути. Но чаще ждал дома. Она, в ночи, сама вся черная, будто грозное небо, проскальзывала в калитку. Скреблась в дверь. И бросалась в его объятия.

Каждый раз, едва ныряла с разгону в тину его изумительных зеленых глаз, замечала: морщина меж бровей буравится все глубже. И взгляд-безнадега обволакивает, тащит за собой в топь. Он старел с каждой неделей. Семь дней. Ничтожный срок для включенного в столичную жизнь. И вечность – для отверженного.

– Я люблю тебя, – прижималась она к нему.

Когда-то он сразу истово, сладко впивался в ее губы. Теперь поцелуи с каждой неделей становятся холоднее. И пальцы – равнодушные, без тепла. А губы беззвучно шептали:

– Не могу больше. Не могу. Не могу.

Как его было утешить? Выхода Апата не видела.

Чтобы заново родиться, им обоим нужно исчезнуть. Но как это сделать? Пластическая операция? Купить новые документы? Нелегально перейти границу? Простите. Мы не шпионы. И не дети шпионов. Мы обязательно попадемся.

К тому же Апата не верила, что для них обоих возможна *нормальная* семья. Что они когда-нибудь станут рука об руку ходить в кафе, раскланиваться с соседями. Да и не нужно ей это. Она не признавалась любимому, но получала удовольствие от той жизни, что вела сейчас. Пусть рабочая неделя бесконечно длинна и скучна. Пусть узкие туфли на каблуках безжалостно натирают. Переговоры тошнотворны, клиенты докучливы. Бесконечный кофе скоро, кажется, закапает из ушей. Зато с каждым днем все ближе становились заветные выходные. А в ночь с пятницы на субботу – никем не замеченная, вольная, дикая – Апата наконец нырнула в метро и улетала в настоящее счастье.

Зачем ей что-то иное?

* * *

Еще в полусне Лана Сумцова провела языком по деснам. Открыла глаза, бросила взгляд на тумбочку. Увидела. Скривилась. Зубы. Ее зубы. На салфетке. Какая мерзость! Она объездила всю Москву и несколько стран Европы. Консультировалась с маститыми профессорами. Убеждала, умоляла. Тем, кто внушаем, пыталась угрожать. Но ставить импланты все равно никто не согласился. А своих зубов, чтоб прицепить мост, не осталось.

Верно говорят: здоровье и молодость никакими деньгами не купишь.

Лана отвернулась от зеркала – не дай бог увидеть в нем собственный щербатый рот! На ощупь всунула протез. Лишь потом на себя взглянула – и сердито отвернулась от стекляшки. Специально выбирала, чтобы стекло мутноватое. Орех, резьба, Ренессанс, антиквариат. А все равно лицо по утрам – хоть топись. Глаза заплывшие, синяки под ними черные. И вообще вторая подтяжка не удалась. Щеки лубочные, как у матрешки, кожа натянута – кажется, сейчас лопнет. В разрезе глаз проглядывают японские нотки. И нос, если смотреть внимательно, теперь чуть набок. Хирург (тот, что резал) клянется: все со временем встанет на место. Но опытные врачи-косметологи в один голос твердят: подтяжку можно было только один раз делать. А она не удержалась. Пошла еще на одну.

Лана резко, зло встала с кровати. В поясницу стрельнуло. На подушке остались волоски. Неужели все, старость?!

Нет, депрессия, не позволю! Все у меня хорошо. Денег – куры не клюют. Дом в замечательном месте, новенький «Мерседес». Молодой любовник. Ночевать его она, правда, никогда не оставляет. Боится, что храпеть начнет. Или что изо рта у нее будет пахнуть.

Лана бросилась в ванную, под горячий душ. Потом долго стояла перед зеркалом. Один крем, второй, третий. Тональник, пудра, подводка. В волосах замаскировать шиньон, зубы тщательно зафиксировать специальным клеем. Утягивающее белье. Платье в обличку.

На первый взгляд – тридцать.

А чувствуешь себя – на все сто.

Под окном – детский смех. Школа кончилась. Молодежь резвится, носится на самокатах. Лица розовые, носики прямые. Чтоб вы все сдохли!

Лана искренне ненавидела тех, кто моложе.

Сосед – когда в очередной раз поругались – назвал ее злобной мумией.

Ее ровесником, кстати, был. А выглядел как моложаво! Стихи писал. От инфаркта бегал.

«И где ты теперь? – Лана злорадно взглянула на пустой дом. – Из рая на меня смотришь?»

Да ладно – рай. В земле лежишь, червей кормишь».

Вышла из ванной, покосилась в зеркало: если не приглядываться, почти двадцатилетка.

Вы все, завистники, подавитесь!

«А закончу дело – поеду в Швейцарию. Горный воздух, лучшие в мире врачи.

Подкорректирую лицо. Если получится, проклятые зубы исправлю».

Пусть юность не продается. Но выглядеть моложе большие деньги позволяют.

* * *

Ольга Васильевна Черемисова стояла на открытой террасе и ловила солнечную энергию. Глаза закрыты, но под веками не черно – пляшут желтые пятна. Кончики пальцев уставлены в небо, по ним стекает тепло. Не слышно птичьего щебета и как ругаются на улице узбеки. Мир для нее онемел, остановился, умер.

Дочь всегда смеялась над ее беседами с солнцем: «Мам, ты бы лучше с инопланетянами на связь выходила».

И соседка, Ланка Сумцова, осуждала: «Дура. Пигментными пятнами пойдешь».

И прохожие косились, крутили пальцами у виска.

Но Ольга Васильевна все свои сорок девять лет оттоптала без оглядки на постороннее мнение. Хотя ее с детства пытались переломить, согнуть, перестроить. К врачам – неврологам и психиатрам – таскали с рождения.

Девочка Оля с первого дня на этой планете вела себя странно. Очень мало спала, плохо ела, закатывалась в истериках. Говорила, что слышит странные звуки. Что умеет разговаривать с птицами.

Неврологи ее лечили лет до пяти. Пока Оля не сообразила, что таблетки можно запихивать за щеку, а потом выплевывать в унитаз.

Когда ей было двенадцать, она сидела на кухне вместе с подружками старшей сестры. Взрослые девочки (десятиклассницы!) гадали на кофейной гуще, Олечка крутилась за их спинами. С любопытством поглядывала на дно чашечек, жадно разглядывала орнаменты на коричневой жиже, слушала толкования, но решительно ни у кого не видела – ни принца, ни богатства, ни тем более студенческого билета.

Только у собственной сестры разглядела картинку: младенец комфортно устроился в утробе, ручки-ножки поджаты.

– Ты с мужчиной познакомишься. Темноволосый, немолодой. Богатый. Замуж позовет, – трещала между тем главная гадалка.

Да где тут замужество? А малыш есть. Палец сосет. Пуповина видна. И писюн изрядный.

Олечка и бухнула:

– Вранье про богатого.

Аудитория мгновенно умолкла.

Ольга выдержала паузу и важно заявила:

– А вот ребенок у тебя родится. Через пять месяцев.

– Что?! – побледнела сестра.

И потянулась врезать подзатыльник.

Оля увернулась, отбежала к порогу. Картинки перед глазами больше не было, но она продолжала говорить – губами словно кто-то посторонний управляет:

– Мальчик. Вес будет четыре килограмма. И глаза синие – как у твоего Юрика.

Сестрица вскочила, бросилась к ней:

– Замолчи, дура!

А одна из старших девчонок лукаво спросила:

– Ты чего это побледнела? Правда, что ли, с Юркой спишь?!

Дальше Оля не слушала – смылась во двор.

Со старшей сестрой встретились только вечером. Та загнала младшую в кладовку, придавила локтем горло, другой рукой зажала рот с носом, прошипела:

– Будешь про Юрку трепаться – по стенке размажу.

Оля заранее глубоко вдохнула и теперь молча терпела, выпускала воздух по граммулечке.

А когда сестра ее отпустила, спокойно произнесла:

– Аборт не делай. Иначе больше не родишь никогда.

– Да что ты вообще несешь! Мы с Юриком только... – начала сестра и осеклась.

– Ребенок у тебя точно есть, – уверенно сказала Оля. – Месяца четыре ему. Ручки, ножки уже видны.

Сестра взглянула жалостливо. Приговорила:

– Все-таки психическая ты, Олька.

Младшая спорить не стала.

Когда у сестры – прямо к выпускным экзаменам – родился сын, весом четыре килограмма и синеглазый, клеймо сумасшедшей с Олочки торжественно сняли. Теперь с ней носились, будто с божеством. И постоянно лезли с вопросами. «У нас на работе сокращения. Не уволят?» – приставала мать. «А я когда замуж выйду?» – бесконечно ныла сестрица.

Оля (если была в духе) заваривала кофе. Просила перевернуть чашечку левой рукой от сердца. Всмотривалась в бессмысленное нагромождение крупинок. И не видела ничего. Но – чтоб не лишиться привилегий *Высшего существа* – говорила матери, что не уволят. Только зарплату срежут. А сестре – чтобы наверняка! – обещала мужа лишь к тридцати годам.

Что удивительно, даже взятые с потолка предсказания очень часто сбывались. Если внимательно за человеком наблюдать, слушать его телефонные разговоры, можно и без всяких голосов извне делать прогнозы.

Но часто видела нечто потустороннее. И до сих пор видит.

Соседу – бодрому дядечке по фамилии Рыбаков – за неделю сказала: у тебя сейчас тяжелые дни. Будь осторожен. Больше отдыхай. Измеряй давление. Иначе погибнешь.

Тот отмахнулся.

Она наблюдала за его *последним днем*. Видела его контур. Как он – бледный, уставший, вялый – вышел в свой чахлый садик. Схватился за сердце. Прислонился к дереву. Постоял. Но потом все равно упорно склонился над грядкой.

И Ольга почувствовала, как посреди яркого солнечного дня на небе вдруг ослепительно вспыхнула звездочка.

Обернулась на соседский участок – Рыбаков недвижимо лежал, уткнувшись лицом в цветок.

Она не сомневалась: сосед умер. Но поднимать панику не стала. Зачем? Все равно поздно.

С Рыбаковым они почти враждовали. Но сейчас, когда докучливый сосед наконец отправился к праотцам, радости не было. Наоборот, давило четкое ощущение, что дальше будет лишь хуже.

* * *

Надя Митрофанова всегда нравилась старичкам. Бежит ей в парке навстречу дряхлый спортсмен в трениках советских времен и разбитых кедах – обязательно вытаращится, улыбнется, потом пару раз оглянется. Особо резвые и телефончик пытались просить. Димочка Полуянов однажды даже спасать ее выбежал. Тогда сосед, синеносый генерал в отставке, поймал девушку во дворе и разлился соловьем. О юности бравой, подвигах военных. Дышал алкогольными парами, намекал, что и сейчас ого-го. Надя пыталась сбежать – не отпускал, хватал за руку, вроде как по-отечески. Димке – когда тот спустился во двор – стреляться предлагал.

– Беда с тобой, Надюшка, – беззлобно хохотал Полуянов.

А Надя злилась: до чего природа несправедлива!

Вот Димочка – ее даже старше. И у него при этом полно юных, безупречно красивых поклонниц. А она – будто комическая героиня – отбивается лишь от дряхлых сатиров.

Причем везде.

Надя работала в историко-архивной библиотеке, и ее популярность у старшего поколения здесь эксплуатировали нещадно. Задремлет ли в читальном зале вздорный, очень пожилой академик, или в буфете орденоносному старцу привидится, что его обсчитали, конфликт улаживать всегда Митрофанову зовут.

Спасибо, читающая публика хотя бы не пьет.

Историческая библиотека для иных мастодонтов милее дома родного. Есть экземпляры, кто по двенадцать часов здесь просиживает. Сотрудницы для них «доченьки», которым подробно рассказывают о хворях, жалуются на хамство врачей и низкую пенсию.

Митрофанова выслушивала дребезжащие, повторяющиеся изо дня в день истории терпеливее всех. И начальница предрекала: «Вот влюбится в тебя какой-нибудь членкор Академии наук! Бросит к твоим ногам – руку, сердце, квартиру на Ленинском!»

«Ух, я Диме тогда потреплю нервы!» – мечтала Надя.

Но пока никаких меркантильных предложений ей лично не поступало.

Зато в честь праздника Первого мая (которое выпало в этом году на Пасху) профессор Юрлов, постоянный посетитель их зала, решил подарить историко-архивной библиотеке семейную реликвию – Библию XVII века. И поставил неременное условие: за книгой к нему домой должна явиться непременно Митрофанова.

Надя перепугалась, бросилась к начальнице:

– Не поеду ни за что!

Та возмутилась:

– Это еще почему?!

– Вдруг украдут, потеряю? Миллион двести мне потом из своего кармана платить?

Шефиня снисходительно усмехнулась:

– Кто тебе про миллион двести сказал?

– Юрлов. Говорит, что второе издание – 1756 года – недавно на аукционе за восемьсот тысяч ушло. А у него 1751 год, минимум в полтора раза дороже!

– Чушь, – отрезала начальница. – Видела я эту его Библию. Состояние ужасное, первой страницы нет. В таком сохране – пятьдесят тысяч максимум.

– Но все равно антикварная, дорогая книга. Как я ее повезу – на метро? Машину мне выделяйте.

– Какую? – нахмурилась шефиня. – «Волгу» нашу разъездную? Она второй месяц в ремонте. А ты водить умеешь. И автомобиль в семье есть. Сложно, что ли, съездить? Помочь родной библиотеке? – Скорбно закатила глаза, добавила: – Или хочешь, чтобы мы тебе бензин из наших жалких фондов оплатили?

– Да при чем здесь бензин? Моя работа – библиотекарь. А не шофер. И не курьер.

– Надежда, не капризничай, – строгим голосом потребовала начальница. И со вздохом добавила: – Раз ты такая корыстная, дам тебе отгул.

Надя молчала.

– Даже почти два. Ехать к профессору можешь завтра прямо с утра. А потом на работу не возвращаться.

– А раритет куда девать? Домой везти?!

– У Юрлова она – в коммуналке! – пятьдесят лет валялась. И никто не покусился, – парировала шефиня. – А у тебя – в элитном доме! – вдруг пропадет?

Надя как можно более простодушно произнесла:

– Я лучше сразу сюда отвезу. Мне так спокойнее.

– Нет, – торопливо отказалась начальница. – В этом нет никакой необходимости. – И добавила вкрадчиво: – Лучше Диме своему ее покажи. Ты говорила, он старые книги обожает. Может, и сейчас заинтересуется...

И вдруг нахально взглянула Наде в глаза и закончила:

– ...черкнет хоть десяток строк.

– Есть такая пословица, – буркнула Надя, – не очень политкорректная. Дай негру палец – он оторвет всю руку.

Ждала, что шефиня взорвется, но та лишь руками всплеснула:

– А что делать, Наденька, что делать?! Публикации про библиотеку с меня требуют. А «Молодежные вести» про нас последний раз год назад писали. Когда выставка дневников Булгаковых была.

В итоге Митрофановой пришлось соглашаться на все. Перевозить Библию, подсовывать ее Полуянову.

«Как всегда, – грустно думала Надя по дороге домой. – Делаю только то, что хотят другие».

Но следующим утром мужественно проснулась в шесть тридцать – на час раньше, чем обычно.

Полуянов открыл один глаз, взглянул на часы, изумился:

– Бегать, что ли, опять решила?

Митрофанова машинально втянула живот. Взглянула на себя в зеркало. Загадочно молвила:

– Нет. Я еду к *мужчине*. И беру машину. Ты не против?

– Машину-то зачем? – возмутился Димка.

А про мужчину – ни слова.

Пришлось рассказывать о подарке профессора.

Полуянов проснулся окончательно. Сел на кровати. Спросил недоверчиво:

– Неужели правда первое издание?

И сам – легкая добыча! – попросил:

– А домой можешь притащить? Я почитать хочу.

– Бесплатно – нет.

– Мыть посуду? – закатил глаза он.

– Хуже. Шефиня требует заметку в «Молвестях».

– Ф-фу, делов-то! – облегченно выдохнул журналист. – И напишу. Мне не сложно. Повод информационный – позитивный. Большая редкость в наши дни.

Снова улегся в постель – поперек. Подтянул к себе Надину подушку, обнял ее. Сонным голосом изрек:

– Ключи в моей ветровке, документы в борсетке. Резко не тормози. На переднее сиденье Библию не клади. И запишись обязательно.

Сладко зевнул – и засопел.

Надя сбегала в душ, позавтракала, тихонько оделась.

Небо то улыбалось синим, то хмурилось, поэтому девушка накинула плащ – свой любимый. Синий, с белыми ромашками по подолу. Из прошлогодней коллекции, куплен на распродаже – но все равно выглядит (о, великие итальянские дизайнеры!) остромодной новинкой.

Митрофанова приняла (перед зеркалом) уверенный вид, произнесла мантру: «Я прекрасный водитель!» И спустилась в подземный гараж. (Имелось в их новой квартире такое удобство.)

Проживал Юрлов ровно на другом конце Москвы – на *профессорском* Юго-Западе. Навигатор предложил унылое Третье транспортное, но Надя решила ехать через центр. Только весной, казалось Митрофановой, Москва из жесткого мегаполиса превращается в романтический, дворянский, мило старорежимный город. Детишки с мольбертами сидят вокруг памятника Высоцкому, старушки выгуливают немислимые, почти английские шляпки. Все увереннее зеленеют березы и тополя. В Диминой «Мазде» – шестнадцать колонок, кондиционер. Первый концерт Рахманинова, комфорт, прохлада, Большой театр, «Метрополь», Кремль. И народ на дорогах – сплошные джентльмены. В прошлую поездку (в марте, тогда еще случился сильный снегопад) Наде постоянно сигналили. И пару раз не ленились открывать окна, выкрикивали что-то обидное. Но сегодня даже прирожденных хамов, похоже, смягчило радостное, почему-то пахнущее арбузами весеннее утро.

Митрофанова без устали нажимала на «аварийку» – благодарила, что ее пропускают. Настроение с самого утра несерьезное, абсолютно ей не свойственное. Вдруг фантазия разыгралась: будто она – спецагент. Выполняет особую миссию. Доставляет из точки А в точку В ценнейший груз. Понимала, что совсем глупость в голову лезет, но продолжала фантазировать дальше. Вот охотники за Библией организовали погоню, она разгоняет «Мазду» до двухсот сорока (максимум на спидометре), лавирует в потоке машин, враги все ближе, и тут – ну, конечно, любимый Димочка. Перестрелял врагов? Нет, просто остановил погоню. Сел в «Мазду» на пассажирское сиденье. Обнял. Поцеловал в губы.

Тут сзади все-таки загудели – давно зеленый сияет, а она вся в мечтах.

Надя дала машине газку – какое счастье, что коробка-автомат, не заглохнешь позорно от того, что резко отпустила сцепление!

И заметила краем глаза: в соседнем ряду, метрах в трех позади и наискосок от нее, тоже *только что* тронулся автомобиль. Надя бы и внимания не обратила на серый, очень скучный «Рено» – мало ли «чайников» тупят в жестком московском трафике? Да случайно заметила в зеркале заднего вида: в машине двое парней. Оба коротко стрижены. Кожаные куртки, темные очки. Очень характерные образы.

Следят за ней?!

Фу, Надя, хватит фантазий! До спецарента тебе пока далеко. Чрезвычайно.

Но – затягивает играть в шпионов – на следующем светофоре притворилась, что притормаживает на желтый. А в момент, когда свет сменился на красный, – с ревом пролетела перекресток.

За ней никто не последовал, серый «Рено» затерялся в потоке.

«Потеряли», – хмыкнула Надя.

Но во дворе профессора Юрлова парковалась нарочито медленно, по-дамски. Она у цели. Нужно удостовериться, что хвост сброшен.

Впрочем, кроме двух бабушек на скамейке и сердитого малыша в песочнице она не увидела никого.

Юрлов встретил гостью громогласно.

Завопил прямо на пороге коммунального коридора:

– Какая красивая девушка ко мне пришла!

Пара дверей, конечно, сразу приотворились. Из-за одной выглянул острый старушечий носик, вторым зрителем оказался мохнатый – настоящий питекантроп! – мужик.

– Завидуй, Степаныч! – обернулся к нему профессор.

Бабка хлопнула дверью, скрылась. Обросший черной шерстью дядька, наоборот, выполз в коридор. Перехватил Надин взгляд – уставленный в его голое, отвисшее пузо. Спросил неожиданно тоненько:

– Это ты ей, что ли, свою книгу драгоценную отдаешь?

– Не лезь в чужие дела, Степаныч, – надменно бросил Юрлов.

Отвернулся от соседа, захлопотал:

– Пойдемте, Надя, в мою комнату. Там чаек, пирожки, конфетки.

И не отпуская часа два. Митрофанова покорно слушала о сыне в Америке. Покойнице-жене. Вздорных соседях. Бывших коллегах, которые совсем забыли старика.

Елизаветинская Библия красовалась на почетном месте – на школьном пюпитре, в центре письменного стола.

Надя дождалась, пока чайник опустеет, а рассказы Юрлова пойдут по второму кругу, и вытащила из сумочки папку:

– Вот акт дарения. Директор библиотеки его уже подписал.

Профессор читать текст не стал. Увенчал документ размашистой закорючкой. Вздохнул:

– От сердца отрываю. Но куда еще девать? Сын получился агностик, ему Библия ни к чему, а тут, в коммуналке, того и гляди, стянут, на ящик водки сменяют.

Взял книгу, погладил кожаный переплет. Молвил задумчиво:

– Хотя Степаныч – ты не гляди, что неандерталец. Он понимает, что к чему. Давно перекупить пытается. Сто тысяч мне предлагал.

– Ну и отдали бы. – Надя уже изрядно устала – от чужой жизни, терпких запахов коммуналки и своей (ха-ха) «секретной миссии».

Юрлов взглянул обиженно:

– Да вы что, Надя, такое говорите? Чтоб я какому-то спекулянту на книжном раритете наживаться дал?! Нет. Пусть лучше народу достанется.

Хотя народ – Митрофанова по опыту знала – старые Библии редко берет читать. Да и не пустят профессорский подарок в открытый доступ. Будут в отделе редкой книги держать и выдавать только избранным.

Она сочувственно взглянула на профессора. Под глазами мешки, руки дрожат. Совсем старичок.

«Лучше бы ты продал свое сокровище и в хороший санаторий поехал. Сердце подлечил».

Но понимала: Юрлов – из упрямого, послевоенного поколения. Принципиальный. И меркантильного совета все равно не послушает.

Никаких указаний по поводу особо бережных методов транспортировки ей не давали. Но Надя – по собственной инициативе – сначала бережно обернула раритет в крафтовую бумагу. Далее последовала мягкая ткань, потом – аккуратная картонная коробка.

Профессор с удовольствием наблюдал за ее действиями. Бормотал растроганно:

– Вот в чьи ручки – добрые, бережные! – и отдать не жалко. Степаныч – тот бы в целлофановом пакете поволок.

Надя знала, Юрлов наблюдает за ней из окна. Поэтому и в машине разместила Библию в самое безопасное место – в бардачке, откуда загодя вынула три пары Димкиных темных очков, сервисную книжку, расплавленную шоколадку и грудку чеков с заправок.

Когда садилась за руль, подняла глаза. Юрлов отворил фоточку и бешено махал ей рукой. У соседнего окна виднелся заросший шерстью Степаныч. В руках телефон, физиономия, Наде показалось, хитрющая.

А только выехала со двора – за ней из соседнего переулочка выскочила «десятка».

И снова в машине двое. Опять в черных куртках.

«У меня началась мания преследования», – весело подумала Митрофанова.

Она не спеша катилась к светофору. Зеленый замигал. Девушка еще больше сбросила скорость. Красный «Мини-купер», что ехал сразу за ней, сердито взвизгнул покрывками, объехал справа, умчался на четкий желтый. Ну а Надя долю секунды подумала и рванула вперед, на конкретный красный.

Мания, не мания – а проверить не мешает.

Перекресток она проскочила быстро – встречный поток даже тронуться не успел. «Десятка» явно не ожидала от «Мазды» подобной прыти. Но ринулась повторять маневр. На дороге завязалась небольшая свалочка, народ бибикал, вопил в открытое окно ругательства.

Но таранить нахала никто не стал. «Жигули» догнали Митрофанову и снова поехали за ней.

Надя перепугалась.

Одно дело фантазировать, что ты спецагент. Но сейчас-то имелся самый настоящий хвост.

Что делать? Звонить Димке?

Нажала на «единичку» – Полуянов у нее везде первый: и в жизни, и в телефонной книжке.

Но абонент оказался недоступен. Одиннадцать утра. Планерка. Или отписывается, на

звонки отвлекаться не хочет.

А «десятка» продолжает ее преследовать – уже не стесняется, висит почти на бампере.

Надя вцепилась в руль. Попробовать оторваться? Но даже каскадеры – ей Димка рассказывал – иногда на съемках разбивают по паре машин за эпизод. А тут она – очень средненький водитель. Очень будет жаль Димочкину любимую «Мазду» расколотить. Да и вдруг парни просто познакомиться с ней хотят?

Она еще раз – безуспешно – набрала Димку.

И вдруг поняла, что делать. Не домой тащиться – через всю Москву, в пустынный, по рабочему времени, двор. А поехать к Полуянову в редакцию! Там самый центр, охрана, курьеры, стажеры спуют. На пороге вечно толкуются курильщики. Даже если нападут на нее, найдется кому вступить. А если тревога ложная, она с Димочкой просто пообедает. И – отличная мысль! – отдаст ему машину вместе с Библией. Пусть Полуянов теперь нервничает и за раритет отвечает. А Надя спокойненько отправится домой на метро.

Вот как раз и поворот с Ленинского проспекта на Садовое.

Смиренно встать в очередь? Или поехать хамски, из второго ряда?

Моргалку Митрофанова пока не включала, но скорость сбросила. Семьдесят, шестьдесят... сорок. И тут вдруг «десятка» отчаянно взвизгнула покрывками. Резко вывернула в крайний левый. И умчалась дальше – в сторону Кремля. Причем парни (что водитель, что пассажир) в Надину сторону даже не взглянули.

Митрофанова нервно хихикнула.

Все причудилось, получается?

Хорошо, что она не успела к редакции свернуть.

Надя снова разогналась до восьмидесяти. Миновала съезд на Садовое, поехала дальше, к дому. В зеркало заднего вида поглядывала беспрерывно, но никаких подозрительных авто больше не наблюдалось.

* * *

Дима не сводил взгляда с монитора. С экрана ему улыбалось *большеглазое солнце*. Костя Лопатин. Шестилетний безнадежно больной ребенок.

Костя родился и жил в Заполярье. В декабре прошлого года катался на лыжах, промерз, заболел. Сначала ему лечили грипп, потом менингит. Температура не спадала, ребенок таял на глазах. Родители схватили в охапку, повезли в Москву. В столице сделали томограмму: опухоль мозга. Злокачественная. Обширная. Запущенная. Терапия бесполезна. Оперировать бессмысленно. Болезнь прогрессировала. Костю ждали детский хоспис и быстрая смерть.

Пока за него не взялся фонд «Дарим детям добро».

Снимок ребенка появился в Интернете в начале марта.

Мальчика сфотографировали на широком подоконнике больницы. Сидит по-турецки, сторбился, худенькие ручки на коленках сложил. За спиной – предвкушающий весну парк. Синяя акварель неба. А в глазах ребенка – огромная, стариковская усталость. И никакого дела ему до скорого лета, велосипедов, скейтов, воздушных змеев, моря, самолета на юг.

«Костю можно спасти! – гласил пост под фото. – Российские врачи от него отказались, но в Германии берутся его оперировать!»

Дима только взглянул в бесконечно несчастные глаза мальчика – и сразу перевел на счет

благотворителей пятьсот рублей.

А вечером задумался: если его – журналиста, тертого калача! – проняло, то сколько же обычных, более простодушных людей поддались минутному порыву?

Нет ли здесь профессиональной, подлой и хитрой разводки?

У «Молодежных вестей» в любой области знаний свои консультанты. Имелся среди них и известный детский нейрохирург. Дима немедленно ему позвонил.

Обычно врач охотно давал Полуянову комментарии, но едва прозвучала фамилия Лопатин, отрезал:

– Не буду про него говорить.

– Почему?

– Ой, Дима. Сбавь свой сыскной тон, – попросил доктор. Добавил досадливо: – Что б я ни сказал, все равно мы гады и сволочи. Я мальчика смотрел. Шанс на успешный исход операции – десять процентов. Десять! И все равно он проживет полгода максимум. Ты понимаешь? А немцы – те двадцать процентов дают. И те же шесть месяцев жизни. Только за триста тысяч евро. И еще надо довезти его сначала до той Германии.

Полуянов молчал. Переваривал.

Доктор вздохнул:

– Думаешь, мне не жалко – когда я в глазищи его огромные смотрю? Но мозг поражен необратимо. Сейчас он хотя бы говорит. Маме улыбается. Книжки читает. А операция его убьет. Или в растение превратит. Все, Дима. Можешь написать, что я от комментариев отказался.

Полуянов положил трубку.

Ребенок, увы, оказался настоящим. Очень жалко.

Но все равно что-то царапало, беспокоило. Что еще за фонд – «Дарим детям добро»? Дима никогда о нем не слышал.

Полуянов проверил по реестру юридических лиц: все чин чинном, уставной капитал, офис, опыт только небольшой – всего два года работают.

Телефоны городские, сидят в центре. Он позвонил секретарю, сказал, что журналист, интересуется Костей Лопатиным. Его мгновенно соединили с координатором.

Тот только услышал, что звонят из самих «Молодежных вестей», сразу засуетился, обрадовался:

– История болезни, выписки, заключения, приглашение из немецкой клиники – все есть. Может, напишите про парня? Счет на дни идет!

– Дайте мне телефон его родителей, – попросил Полуянов.

– Конечно. Безусловно. – Сотрудник продиктовал номер.

Костина мама мужественно глотала слезы. Шептала в трубку:

– Я его под нож тоже не хочу отдавать. Чего мучить ребенка? Он и так настрадался. Но отец говорит – надо. Даже если только один процент на успех – все равно надо.

И тогда Полуянов лично попросил сотрудниц из «Отдела добрых дел» написать про мальчика вне очереди.

Материал в газете вышел в конце марта и собрал больше тысячи комментариев. Разошелся в Интернете сотнями перепостов.

Маленькому Косте собрали триста тысяч евро за рекордные две недели. Деревья не успели зазелениться листвой – ребенок уже был в Германии.

Полет прошел тяжело. У мальчика поднялось давление, он начал задыхаться. Прямо к

трапу вызвали реанимобиль.

Костю довели в клинику, но даже к операции готовить не начали. Мальчик впал в кому, а через два дня скончался.

«В его состоянии можно было только спецбортом лететь, с медицинским сопровождением», – дружно прокомментировали случившееся немецкие доктора.

«Мы просили спецборт! – рыдали родители. – И врача просили!»

Читатели «Молодежных вестей» отчаянно жалели Костю и зажигали в память о нем виртуальные свечи.

А Полуянов написал письмо в немецкую клинику.

Ответа особо не ждал, однако ему очень быстро прислали подробное, из одиннадцати пунктов, обоснование, почему нельзя было спасти мальчика из России. К письму также прилагались финансовые документы. Клиника благородно взяла на себя оплату реанимобиля, пребывание в палате интенсивной терапии, консультацию двух профессоров. Счет выглядел, по европейским меркам, очень скромно: меньше двадцати тысяч евро.

И Полуянов, разумеется, заинтересовался: а где остальные двести восемьдесят?

Снова позвонил в фонд «Дарим детям добро». Бывшего Костиного куратора не застал, девушка-секретарша заученно затараторила:

– Мы написали всем жертвователям, предложили деньги забрать. Человек пять согласились. Остальные разрешили их передать другим детям. На те средства, что остались, мы сейчас еще одного мальчика в Германию отправляем. И в Израиль двое едут.

Диму ответ убедил. Почти.

Но он все равно нашел тех троих, кто должен был отправиться на лечение за рубеж.

Словно под копирку. Красивые, страдающие, славянские лица. И безнадежные диагнозы. Рак в третьей-четвертой стадии с метастазами.

Знакомый нейрохирург всех троих пациентов знал. Честно сказал: шансы на успех минимальные.

– А в Германии с Израилем их спасут? – поинтересовался Дима.

– Я тебе уже говорил, могу повторить еще раз: вряд ли. У иностранцев статистика по терминальной стадии очень похожа на нашу. Может, на пару процентов лучше. Условия, правда, в Германии комфортнее, чем в московских больницах. Впрочем, если за евро – то и у нас отдельную палату дадут. Только, Дим, ты об этом не пиши.

«Да, – грустно подумал Полуянов, – доктор, наверное, прав. Лучше эту тему вообще не трогать. Люди искренне жертвуют для больных детишек. Многие отдают почти последнее. А я вдруг с нотацией: вы помогаете *не тем*. Что мне скажут мамы безнадежных детей, которые все-таки надеются на чудо?!»

Хотя с главарем фонда «Дарим детям добро» все равно надо пообщаться. Спросить, почему он выбирает для своих акций самые беспросветные случаи.

Дима набрал уже знакомый номер и попросил соединить его с директором, господином Котловым.

– Как вас представить? – поинтересовалась секретарша.

– Дмитрий Полуянов, газета «Молодежные вести», – спокойно ответил журналист.

Он и подумать не мог, что обычный телефонный звонок может полностью перевернуть их с Надей жизнь.

Несостоявшийся спецагент Надя Митрофанова вернулась домой в половине второго. Без приключений загнала машину в гараж, поднялась в квартиру. Распаковала Библию, полистала, понюхала, полюбовалась. Положила на Димин письменный стол. И отправилась на кухню – готовить ужин. Большой и праздничный, раз уж она посреди рабочего дня дома оказалась.

На улице жара, и лично себе Надя соорудила бы изыск, соответствующий сезону. Легкий салат с пармезаном и рукколой, овощное суфле, желейный торт. Но Полуянов – истинный самец – в любое время года требовал мяса. Поэтому во главу угла поставим свинину, запеченную с чесноком и пряностями. А овощи на пару и всякие романо с сельдереем попробуем впихнуть в нагрузку.

Телефон зазвонил, едва по квартире пополз пряный мясной аромат. Митрофанова улыбнулась: Димка вкусную еду даже на расстоянии чувствует.

Однако номер оказался незнакомым.

– Я говорю с госпожой Митрофановой? – поинтересовался вкрадчивый женский голос.

Точно такой был у тетки из службы судебных приставов, когда Полуянов целый год автомобильный штраф не оплачивал.

Надя настороженно отозвалась:

– Да, это я.

– Вас зовут Надежда Кирилловна? – с нажимом проговорила дама.

– Да.

– Я (бр-бр, бр-бр – Надя не разобрала абсолютно), помощник нотариуса Иванова. Мне поручено сообщить, что ваш отец скончался.

Дама заученно умолкла. Похоже, ждала реакции. Аханья, вскрика. Слез.

Но Митрофанова еле удержалась, чтобы не фыркнуть.

Отца у нее не было. Никогда.

Хотя о том, кто он, она начала выпытывать у мамы лет с трех. Поначалу верила в сказку, что папа – капитан, ушел в далекую и опасную экспедицию. Когда дочь пошла в школу, мамуля выдала новую версию: погиб. Очень красивую придумала байку: шторм, пробоина, радиосвязь не работала, облачность низкая, ветер страшный, вертолет на помощь вылететь не мог.

И лишь в Надины двенадцать призналась: *папаша* – просто мамин случайный знакомый. Мимолетная связь в доме отдыха.

– И ты ему ничего про меня не сказала?! – возмутилась дочь.

Мать погрузилась в размышления:

– Почему не сказала? Письмо написала, что беременна. И что ребенка оставляю. Помощи никакой не просила – он сразу предупредил, что женат и проблем никаких не хочет.

– И что? – затаила дыхание Надя.

– Он ответил... очень так корректно... что это мой выбор и мое право, – опустила глаза маман.

– Я хочу его увидеть, – твердо сказала девочка.

– Увидь, – легко согласилась родительница. – Адрес дам. Только зачем? Он мне потом еще пару раз писал. Интересовался, здорова ли ты. Как учишься. Но даже фотографий твоих

не попросил.

– Кто он хотя бы?

Вдруг мама сейчас скажет: артист? Или миллионер?

Но та отозвалась устало, виновато:

– Да обычный мужичонка. Бухгалтер. Лицо обычное, фигура неплохая. Волосенки уже тогда реденькие были. Сейчас, наверно, совсем полысел. Фамилия Рыбаков. Зовут Кирилл Юрьевич.

– Значит, отчество – все-таки *его*.

– Надо ведь было что-то в свидетельстве о рождении написать, – пожалала плечами мама.

– Ну ты даешь! – обиженно произнесла дочь. – А меня байками про капитана Гранта кормила.

Она помнила, что долго тогда дулась. Несколько раз порывалась поехать по адресу. Найти «капитана». Высказать ему все. Разве честно – «сделать» дочку и ни разу даже не повидать?

Однако познакомиться с папой так и не решилась. Мама права: зачем навязываться? Да и к чему ей отец-бухгалтер? Недотепа и трус?!

Надя отправилась по отцовскому адресу, только когда мамуля погибла^[1] и она почувствовала себя самой одинокой на всем белом свете.

Адрес оказался настоящим. Но Кирилл Юрьевич Рыбаков (рассказали соседи) давно по нему не жил. «Они с женой и дочкой квартиру сдают, а сами куда-то в деревню переехали», – только и удалось узнать.

«Черт с ним тогда», – решила Митрофанова.

И больше об отце не вспоминала – вплоть до сегодняшнего дня.

– Надежда Кирилловна, вы меня слышите? – помощник нотариуса сочла, что пауза затянулась.

– А вам точно именно я нужна? – неуверенно переспросила Надя. – У меня в свидетельстве о рождении в графе «отец» – прочерк.

– Да, официально вы не удочерены. Но Кирилл Юрьевич Рыбаков в своем завещании назвал вас своей дочерью.

– А как вы меня нашли?

– Покойный указал ваш прежний адрес. Пришлось туда ехать, – ворчливо отозвалась помощник нотариуса. – Хорошо, новые хозяева ваш телефон дали. А вы что, своего отца никогда не видели?

– Нет. Но мне мама говорила, что его зовут Кирилл Юрьевич Рыбаков, – сообщила Надя.

– Что ж, тогда я вас поздравляю, – кислым голосом молвила помощник нотариуса. – Кирилл Юрьевич завещал вам свой дом.

– Дом?!

– Правильнее сказать, коттедж. Общая площадь – двести двенадцать метров. И сад на двадцати сотках.

– Да ладно! – не удержалась Надя. – А где?

– Новорижское шоссе, деревня Васильково. От Москвы – семнадцать километров.

Надя растерялась.

– Но... у него ведь, кажется, жена была? И дочь? Почему он не им все это оставил?!

– Жена умерла три года назад. А дочка давно замужем за очень богатым человеком. Кирилл Юрьевич счел, что она и так в жизни устроена. К тому же он свою квартиру – еще

давно – на нее переоформил.

– Вот дела... – растерянно пробормотала Надя. – Вот это да!

– Так вы наследство принимать будете? – ворчливо осведомилась помощник нотариуса.

Когда-то Надя не сомневалась: ничего ей от такого позорного отца не нужно.

Но отказаться – совершенно бесплатно – занять собственный дом в ближнем Подмоскowie?!

Как раз лето надвигается. Будет жара, духота. Кондиционер, безусловно, чудо, но они с Димой уже много раз обсуждали, как бы им занять хоть какую-нибудь дачку. Природа, свежий воздух, рыбалка, «ты, Надюшка, будешь кабачки разводить». Однако приценились – и оставили дерзкие планы. Все, что рядом с Москвой, стоило беспрельдно, а кататься на выходные за сто пятьдесят километров – никакой дачи не захочется.

– Буду лотерейные билеты покупать, – пообещал оптимист Димка. – Вдруг повезет.

А Надя печально подумала: «Не будет у нас никогда дачи!»

Фортуна, ты непредсказуема. Но очень, очень, очень мила!

Митрофанова уверенно сказала:

– Я приму наследство.

– И будете абсолютно правы, – снисходительно похвалила помощник нотариуса. – Приезжайте тогда завтра в нашу контору. Адрес: Сретенка, двадцать два. Паспорт и свидетельство о рождении не забудьте.

* * *

Ехать к нотариусу в одиночку Митрофанова боялась, уговаривала Димку отправиться вместе.

Он отбрыкивался:

– Надька, мне неудобно.

– Почему?

– Ну, ты теперь богатая наследница, а я вроде как бедный приживальщик.

– Фу, какие глупости говоришь!

– И работы у меня гора. Давай ты сама, ладно?

– Но на мою дачу ты ездить будешь? – лукаво улыбнулась она.

– Буду, – неохотно кивнул Димка. – Если пригласишь.

Надя не сомневалась: постепенно она его убедит, что это не ее дача, а их *общая*.

Сама она просто светилась от счастья. И строила грандиозные планы. Розарий. Барбекю. Можно летний бассейн купить, надувной. Интересно, разрешат ли поехать в новообретенный коттедж прямо сейчас, в мае?

Нотариус, обаятельный дедушка, улыбнулся:

– Пожалуйста. Хоть завтра отправляйтесь. Ключи возьмете у соседа из дома напротив. Скажете, что вы Надя Митрофанова. Наследница. Я ему позвоню.

– А давно... – Надя с трудом выговорила непривычное слово, – мой отец умер?

– Две недели назад.

– Но, кажется, в наследство только через полгода вступают? – неуверенно произнесла она.

– Верно, – кивнул нотариус. – Шесть месяцев дается, чтоб все родственники могли

заявить о своих правах. Но в вашем случае имеется завещание. И вторая наследница – сестра ваша сводная – сказала, что оспаривать его не будет. Так чего дом целое лето будет пустым стоять? Езжайте, осваивайте. А документы потом получите. В октябре.

– Все равно как-то странно. Нечестно, – поежилась Надя. – Настоящая – ну, в смысле, законная дочка меня, наверно, проклинает?

– Да что вы, милая девушка! – залучился морщинками нотариус. – Знаете, в каких сферах ваша сестра вращается? Муж – в списке «Форбс». «Бентли» с шофером, апартаменты на Остоженке, вилла на Лазурке, резиденция на Бали. Зачем ей этот ваш домик?!

* * *

Надя с Димой впервые поехали в Васильково в середине мая.

По дороге начался страшный ливень. Дождь взвихривал дорожную пыль, лупил по крыше машины, пенился у водостоков. Черное, будто декабрьское, небо рвали на куски молнии.

– Природа бесится. – Полуянов включил щетки на максимальный режим. Покосился на Надю и вдруг изрек: – От зависти.

– К чему? – не поняла она.

– К наследство твоему!

– Глупости, – хмыкнула Надя. – Природе все равно. А на работе я решила молчать.

– Не удержишься.

– Почему это?

– А то я у нас в редакции дачниц не видел! Постоянно фоточки цветов друг другу пересылают. Посадки кабачков обсуждают.

– Дим, ты уже второй раз говоришь о кабачках.

– Да, у меня к ним страсть. Особенно в твоём исполнении. Что ты в них пихаешь, такое вкуснейшее?

– Баранину. С коричневым рисом и помидорами, – улыбнулась Надя. – Я поняла. Заказ принят.

– Но только кабачок обязательно должен быть из своего огорода, – тоном капризного принца произнес Полуянов.

– Этого не обещаю, – вздохнула она. – Я даже не знаю, как их сажать. И когда.

Надя нежно посмотрела на Диму. Кто сказал, что *чувства* всего два года живут? Они с Полуяновым знакомы всю жизнь, но каждый новый день она осознает, что любит его все сильнее. И все сильнее боится, что однажды его потеряет.

Но пока Дима был рядом. Митрофанова положила руку ему на бедро, погладила. Небо потряс очередной громовой взрыв, машина уже не ехала – плыла по неглубокой реке. Полуянов заворчал:

– Надюха. Не создавай аварийную обстановку.

Хотя сам не за дорогой следит, а вылупился на юную деву. Та несется по тротуару – без зонта, совершенно мокрое белое платье соблазнительно облепило фигуру, мокрые светлые волосы развеваются.

– Хочешь подвезти? – зловещим голосом поинтересовалась Надежда.

– Да ладно. Пусть на автобус бежит, – с заметным сожалением ответил журналист.

И вдруг спросил: – Ты через телефон платежи умеешь делать?

Надя фыркнула:

– А как я, по-твоему, за квартиру плачу?

– В сберкассе.

– Ох, Димуля! Сейчас даже бабушки – и те освоили терминалы. – Митрофанова достала телефон, спросила: – Тебе денег, что ли, кинуть на мобильник?

– Нет. Тысяча рублей у тебя найдется? Нет, лучше тысяча сто.

Надя как раз отложила себе на новый крем, но (ради Димочки!) *баловством* пожертвовала безоговорочно. Уверенно кивнула:

– Для тебя – хоть миллион. Куда перевести?

– На Яндекс-кошелек. Вот номер, – вытащил из нагрудного кармана бумажку.

– А кому это? – Надя вошла в онлайн-банк.

– Расследование веду. Потом, может, еще понадобится заявление в полицию написать.

Она вбила сумму.

– Какое назначение платежа?

– Благотворительный взнос. На лечение Горелова Юры.

– Ничего себе! – Надя взглянула возмущенно. – Мошенники на больных детях наживаются?

– Похоже, что да, – мрачно отозвался он.

– А это не опасно? Для тебя, я имею в виду?

– Надюшка, не волнуйся. Обычная острая тема. Тысячная, наверно, в моей жизни.

Подробности Митрофанова выпытывать не стала. Знала, что без толку. Перевела деньги, сообщила Полуянову:

– Копию чека я тебе на электронную почту переслала.

– Ты мой верный друг! – он на секунду оторвался от руля, чмокнул ее в щеку.

Гроза чуть сбавила накал. Взъерошенная стихией Москва осталась позади. Теперь они мчались по Новой Риге.

– Суббота, а дорога почти пустая, – с удовольствием отметила Надя.

– На Новой Риге пробок вообще не бывает. Твой отец грамотно место для дома выбрал.

– Какой он мне отец? – пожалала плечами девушка.

– Что значит «какой»? Не просто отец, а любимый папочка – раз такое наследство оставил. Знаешь, сколько твой домик стоит?

– Понятия не имею.

– А я посмотрел на риелторских сайтах – под миллион долларов.

– Да ладно!

– Из-за земли в основном. Тут сотни золотые, а у тебя их целых двадцать, да с лесом.

– У нас.

– Нет. У тебя. Наследство – твое личное имущество. И при разводе не делится.

– Ну, мы еще и не поженились, – она отвернулась к окну.

Подразумевалось давно: они станут супругами. Обязательно. Соли вместе съели не один пуд и даже совместную собственность завели – общую, на двоих, четырехкомнатную квартиру. Но до ЗАГСа до сих пор не добрались. Дима не звал. Надя мечтала, но плести интриги или «принудительно беременеть» не хотела.

А просто капать Диме на мозг – совсем бесполезно. Он каждый раз – едва больная тема хотя бы краешком всплывает – переводит разговор на другое. Вот и сейчас тоже.

Приосанился гордо:

– Я великий гонщик! Уже домчался – невзирая на экстремальные погодные условия. Через километр съезд. Чудо-местечко, зацени! Лес кругом сосновый! Теннисные корты! Супермаркет!

Они съехали с трассы на симпатичную, будто в рекламе страховой компании, дорогу. Справа и слева – пряничные, мечта офисного планктона, дома. Два этажа, участок, посадки, иномарка у входа.

– У нас тоже вид на дорогу? – насторожилась Митрофанова.

– Ох, Надежда! Вы бы хоть с кадастровым планом ознакомились, прежде чем во владение собственностью вступать, – упрекнул Полуянов.

И свернул на грунтовку. Слева синело озеро. Справа березовая роща отдавалась остаткам дождя. Метров через пятьсот их встретил указатель: «Васильково».

– Оно, оно! – обрадовалась Надя.

И подскочила к потолку – Дима не заметил под лужами лежащего полицейского.

– Негодяи! Хоть бы знак поставили! – заворчал журналист.

И покатиł вдвое медленнее.

Митрофанова жадно глядела по сторонам. Она почему-то представляла классическое дачное местечко: деревянные домики, огороды, цветы, детвора на велосипедах. Но Васильково оказалось каким-то гибридом коттеджного поселка и чахлой деревеньки. То павой выступит вычурный, с витражными окнами, коттедж. И сразу рядом с ним – чахлая изба из черных бревен. Ну, и масса промежуточных вариантов: двухэтажные домики из скучной серой вагонки, солнечно-желтые избушки под старину, барак с новенькой пристройкой...

– А это что? – Надя показала на огромный, возвышающийся над всей деревней домище.

– О-о, это местная достопримечательность. Сейчас специально мимо проеду.

– Откуда ты знаешь про достопримечательности *моего* Васильково? – подозрительно спросила она.

– Так родная газета писала, – улыбнулся Дима. – Я специально в архиве нашел. Там еще заголовок такой мощный... «Дворец для черного короля».

Полуянов повернул, и девушка ахнула.

Действительно, прямо перед ними возвышался огромный, очень безвкусный замок. Площадь – пара тысяч метров, не меньше. Четыре этажа. Арочные окна. Под крышей – бойницы.

Но на этом величие и заканчивалось. Стекол в окнах не было. Забор из рабицы рухнул. Во дворе – груда хлама, какие-то ящики, гнилые матрасы, размокшие пакеты с цементом. Стены исписаны граффити.

– Какой ужас! – прокомментировала Надежда.

– Больше двадцати лет в таком виде стоит, – сообщил Дима. – Его вор в законе, Резо Крутой, в девяносто четвертом начал строить. За два года поставил коробку, закупил отделочные материалы – и сел. На пятнашку. А на зоне с собой покончил. Сам или помогли – не знаю. А дом остался. Наследников нет, достраивать некому.

Дима вновь надавил на газ, скомандовал:

– Теперь ищи Березовую улицу. Где-то совсем рядом.

И Надя почти сразу закричала:

– Вот, вот!

Родовое гнездо оказался всего в паре кварталов от воровского дворца. Такая же, как и во всей деревне, разномастная улица. Но если большинство домов стояли фасадами прямо на проезжую часть, то Надино наследство было выстроено куда изысканнее. Внутри, за забором, создавали видимость леса густо посаженные березы. И лишь метрах в пятнадцати вглубь виднелся двухэтажный домик.

– Как здорово! – девушка не удержалась, захлопала в ладоши. Не стала дожидаться, пока Дима припаркует машину, выпрыгнула еще на ходу. Подбежала к забору. Подергала запертую калитку. Заглянула в щелку. Даже примеряться стала – получится ли перемахнуть через ограду.

Подошел Полуянов, ласково улыбнулся. Накинул Наде на плечи ее любимый плащ – синий, с белыми ромашками по подолу:

– Дождь идет. Промокнешь.

Она бросилась ему на шею:

– Да подумай – какой-то дождь! Ты понюхай, что за воздух! Как лягушками пахнет! Цветами! И лесом!

Калитка на противоположной стороне улицы распахнулась – и Надя нервно хихикнула.

Из соседнего дома им навстречу спешил ее *классический контингент*. Молодящийся, крепкой советской закалки, в тренировочном костюме с белой полосой на штанинах старичок. На голове – что-то вроде картузика, сухонькие, голенастые ноги всунуты в подбитые мехом калоши. Лицо встревоженное, голос строгий. Спросил сердито:

– Вы кто такие?

Надя – прежде чем ответить – широко улыбнулась. Представилась:

– Я Надя Митрофанова.

Пожилый дядечка взглянул неуверенно:

– Рыбакова, что ли, дочка?

– Она самая, – просияла в ответ Надежда.

– Что-то не похожи вы на покойника, – старик по-прежнему поглядывал исподлобья.

– А давайте я вам паспорт покажу, – предложила девушка.

Когда протягивала документ, коснулась руки соседа. Тот отдернул ледяные пальцы и отчаянно, словно мальчишка, покраснел.

Митрофанова наградила его еще одной ослепительной улыбкой.

Старик поспешно отвел взгляд от ее груди (Надина гордость, пятый размер безо всякого силикона) и уставился в паспорт. Пролистал, проговорил, словно в пространство:

– Штамп о регистрации брака не имеется.

И взглянул на Полуянова сурово.

Надя еле сдерживалась, чтоб не расхохотаться. Но богатый опыт общения со старшим поколением научил: почтение, плюс малая толика обожания и всегда удовлетворять любопытство. Тогда старички как шелковые.

– Это Дима. Сын маминой подруги. Мы с ним с раннего детства знакомы. Он надежный, хороший человек. Журналист. А я... я надеюсь быть вам, – она очаровательно улыбнулась, – хорошей соседкой. Чуть-чуть освоюсь – испеку пирог, приглашу на новоселье. Придете?

– Других дел у вас нет – со стариками возиться? – проворчал старик.

– Я люблю гостей, – парировала Надя. – Особенно взрослых, умных. Как вас зовут, кстати?

– Тимофей Маркович.

И улыбнулся – хмуро, словно одолжение сделал. Буркнул:

– Сейчас. Ключи вам принесу.

Ходил долго. Надя свой забор чуть ни обнюхала и все коттеджи поблизости рассмотрела. Едва старик появился, начала выспрашивать:

– А кто у меня соседи? Слева и справа?

Тимофей Маркович поджал губы:

– Соседи у вас – большие оригиналы. Слева, – показал на мрачный, темно-коричневого кирпича, дом, – гражданка Сумцова проживает. Днем вы ее не увидите. Она на улицу только ночью выходит. А если кур покормить – всегда вуаль и темные очки надевает.

– Зачем? – хихикнула Надя.

– Опасается ультрафиолета. И еще очень скандалить любит. По любому поводу. Так что будьте готовы. А справа от вас, – дедушка кивнул на бревенчатый дом, – проживает представительница эзотерической профессии.

– Это как? – не поняла Надя.

– Колдунья. Людям будущее предсказывает. Солнечную энергию качает. – Взглянул опасно на соседский участок, склонился к Надиному уху, зашептал: – А еще находит на нее иногда. Особенно в полнолуние. Между вами-то забор – рабица, все видно будет. Может выть, петь. По земле иногда катается. Она вроде Ванги, блаженная. И общаться ни с кем не хочет.

– А я надеялась тут со всеми подружиться, – вздохнула Надя.

– У нас достаточно закрытый поселок, – поджал губы старик. – Каждый сам по себе живет.

Надя взглянула ему в глаза. Одиночество и тоска – как у всех стариков.

И тепло произнесла:

– Я все равно приглашу вас на новоселье.

– Не стоит трудиться, – отозвался сосед.

– Пойдем, – потянул ее за руку Полуянов.

– До свиданья, Тимофей Маркович! Спасибо вам за ключи! – попрощалась Надя.

На ходу обернулась, увидела: соседка смотрит вслед. Глаза встревоженные.

– Мы ему не понравились, – заметила Надя, пока шли к дому по дорожке, усыпанной прошлогодними листьями.

– Он мне тоже. Мутный старикан, – отозвался Дима.

– Брось. Типичный одинокий, несчастный дедок. Вроде Юрлова. Таких отогревать надо.

Медленно и осторожно.

– Ой, – вдруг нахмурился Полуянов, – подожди, напомнила. Я сейчас. Только в дом не заходи без меня!

И помчался обратно к калитке. Надя жадно разглядывала свои теперь владения. Дом – самый обычный, не новый. Первый этаж из грязно-белого кирпича, второй – дощатый. Крыльцо убитое. Зато сад хорош. На ландшафтный дизайн ни намек, однако и кусочек леса имеется (у забора), и с десятков фруктовых деревьев. Вокруг кустов смородины и малины буйствуют одуванчики. Клумба с еле видными зачатками тюльпанов отступает перед батальоном неистовых сорняков.

Вернулся Полуянов с пакетом.

– Ты куда бегал?

– Да Библию в машине забыл.

– Ты ее сюда взял?!

– А чего такого?

– Ну... раритет. Я все боюсь – потеряем или украдут. Что я на работе скажу?

– Никто не украдет. А начальница твоя мне сказала – хоть месяц читай.

Дима легко взбежал на крыльцо. Надя протянула ему ключ. Замок сердито взвизгнул, дверь отворилась, и они вошли в дом.

В прихожей оказалось сумрачно, Полуянов нащупал выключатель. Старомодная люстра под потолком разгоралась медленно. Постепенно, неохотно освещала заурядный и совсем чужой быт. На тумбочке у входа – пожелтевшая рекламная газета, начатая облатка валидола, садовые перчатки. На вешалке – мужские куртка и плащ, у порога – клетчатые тапочки. Митрофановой стало неуютно – будто незваной гостьей, а то и воров прокралась в чужое жилище.

– Он как будто просто ушел, – прошептала она. – И сейчас вернется.

Обернулась к Диме, растерянно произнесла:

– Ты знаешь, а я ведь даже его фотографии никогда не видела.

Полуянов молча обнял ее. Спросил:

– Разуваться будем?

– Зачем? – Надя была благодарна ему за простой, практический вопрос. – Тут пылица, я сначала все помою.

Они обошли первый этаж. Кухня (в раковине, все в белой плесени, тарелка и чашка). Ванная комнатка (унитаз ржавый, черный). Воздух спертый. А в гостиной, наоборот, светло, свежо и почти чисто. В огромные окна заглядывают молодыми листиками ветки берез.

– Почему здесь воздух совсем другой? – удивилась Надежда.

– Рамы старые, в щели дует, – объяснил Полуянов.

Отправились на второй этаж. Две одинаково безликие комнатки – будто номера в дешевом отеле. В каждой – минимальный набор: кровать, тумбочка, шкаф. И еще одна комната, побольше, – кабинет. Здесь все изящней: стол с видом на сад. При нем кожаное кресло. Настольная лампа под старину. На стене – очень удобно, под рукой, – стеллажи со справочниками.

Полуянов заинтересовался, взял один, прочитал на обложке: «Рифма и размер в стихосложении».

Хмыкнул: «Интересно».

Надя убитым голосом произнесла:

– Дим, я такая размазня! Ни постельного белья не взяла, ни толком еды. Как мы здесь жить будем?

Он взглянул насмешливо:

– Вселенская проблема! Неужели в шкафу белья не найдется? А еду в сельпо купим.

– В чужих вещах рыться?!

– Надя, да привыкай уже! Это твои вещи. Все, что в доме, – твое.

– Все равно. Спать на чьем-то чужом белье? – поморщилась она.

Но отправилась в одну из спаленок. Распахнула шифоньер. Произнесла удивленно:

– Для мужчины – почти идеально. Иди, Полуянов, учись.

Дима заглянул через ее плечо. Носки (каждая пара аккуратно скручена) лежали по цветам. Два ряда абсолютно черных, дальше рядок коричневых, по несколько комплектов серых, темно-синих и белых.

И постельное белье, пусть и не выглажено, но выстирано, сложено и тоже разобрано по комплектам. Пододеяльник, наволочка, простынка – в цветочек. Рядом – те же принадлежности, но в темно-бордовую клетку.

– Волк-одиночка был твой отец, – прокомментировал Полуянов.

– Да. Две наволочки одного цвета я не найду, – вздохнула Митрофанова. – И пододеяльники все одинарные.

Дома они с Димкой спали под огромным «семейным» одеялом, Надя всегда показательно ворчала, когда невенчаный супруг вечером заставлял ее греть постель – и страшно (но молча) радовалась, когда он наконец являлся ей под бочок.

– Но одеял я не нашла! И чем мы обедать будем? – тяжело вздохнула она.

Полуянов закатил глаза, заворчал:

– Все. Надюха начала трепыхаться. Да расслабься ты! Пойдем по деревне прогуляемся, зайдем в магазинчик, купим там какого-нибудь сала, капуста к квашеной. Водочки можно мерзавчик – символически, в честь новоселья.

– Представляю, что тут за водка!

– У меня на паленую нюх, не переживай, – утешил Полуянов. И начал распоряжаться: – Давай, открываем все окна – и уходим. А то тут запах, как в склепе.

Надя хотела сказать, что к ночи обещали всего плюс пять, незачем выстуживать дом. И опасно: все распахнуть и уйти. Но начнешь сейчас спорить – Димка презрительно бровь вскинет и клушей обзовет, уже проходили.

Поэтому только раритетную Библию, незаметно для Полуянова, бросила в свою сумочку. И поспешила вслед за ним во двор. Не удержалась, посоветовала:

– Ты бы хоть машину на участок загнал. А то зацепят на дороге.

– Надин, ты моя Надин, – Полуянов обнял ее, потрепал нежно по щечке. – Расслабься хоть на секунду. Обязательно тебе все проконтролировать!

Но послушно пошел открывать ворота.

Надя пока что прошлась по участку. Одуванчики, трава какая-то непонятная – все это вырвать надо. И прошлогодние листья выгрести. А деревья, наверное, надо удобрить, побелить им стволы. Книжки, что ли, почитать по садоводству – чтоб хоть знать, с какого конца подступаться? Или с соседями пообщаться, спросить совета?

А вот на ловца как раз и зверь! Митрофанова увидела сквозь сетку-рабицу, отделяющую ее участок от соседнего, очень прямую женскую фигуру в дождевике и темных очках.

Дама вышла из дома. Долю секунды постояла на пороге. Уверенным шагом направилась к забору.

– Здравствуйте! – вежливо обратилась к ней Надя.

Никакой реакции. Тетка присела на корточки – в паре шагов от Митрофановой. Начала рвать зеленый лук. Ногти длинные, крашены мрачным болотным лаком.

– Добрый день! – повысила голос девушка. – Я ваша новая соседка.

Женщина повернула голову в ее сторону. Напряглась – словно прислушивалась. И снова склонилась над грядкой.

– Точно, блаженная... – пробормотала Митрофанова.

И поспешила к воротам – Димка как раз заезжал, правый машинный бок оказался в опасной близости от стойки забора.

Но машина прошла в миллиметре от препятствия, под колеса попал только шальной, неизвестно с чего здесь выросший бордовый тюльпан.

Когда Дима вышел из-за руля, показала ему на цветок:

– Как наша жизнь. Никогда не знаешь, когда оборвется.

– Ох, Надюха! – вздохнул журналист. – Заставлю я тебя сегодня тоже водки выпить. А то как-то слишком мрачно ты настроена.

* * *

Они медленно шли по поселку. Погода продолжала чудить: плотные белые облака то открывали кусочек летней сини, а то вдруг чернели, вскипали мелким, противным дождем. Надя тогда накидывала на голову капюшон своего любимого синего плаща с ромашками, пыталась всучить Полуянову зонтик, но он отмахивался. Подставлял под брызги лицо, ловил их губами. Как мальчишка, резво и радостно, сигал через лужи. Обернулся к своей спутнице:

– Слушай, прямо «Дачники» Чехова! Как хорошо, Надя, как хорошо!

Она подхватила:

– «Право, можно подумать, что все это снится. Ты посмотри, как уютно и ласково глядит этот лесок! Как милы эти солидные, молчаливые телеграфные столбы!»

– Ох, Надька, неоценимая ты моя! – расчувствовался Полуянов. – И борщи варишь, и классика цитируешь. Да еще приданое какое принесла!

– Слушай, а я все никак понять не могу... – задумчиво произнесла Митрофанова. – Почему отец вдруг обо мне вспомнил? Почему мне этот дом завещал?

– Тебе ведь сказал нотариус: больше некому. Жена умерла. А дочка и так богатая.

– Совсем не аргумент, – с сомнением отозвалась Надя. – Какая бы ни была богатая, а коттедж в ближнем Подмосковье никогда не помешает.

– Ну... значит, чувство вины. Нагадил мужик, ребенка на стороне сделал, никогда не помогал – а на старости лет раскаялся.

– Знаешь, Дима, мне гораздо дороже было бы, если б он просто позвонил. Или приехал. Захотел узнать, как и чем я живу.

– Надь, некоторые люди этого банально не умеют, – посерьезнел Дима. – Им проще не отношения строить, а откупиться деньгами. В нашей газете, кстати, модная тема. Отдел семьи постоянно пишет. Папа не читает ребенку сказки – но покупает ему айфон. А потом злится, что дитяtko его воспринимает как ходячий кошелек.

– Ну да. В настоящую свою дочку, я так поняла, он хорошо деньги вкладывал. Нотариус рассказывал, все сбережения на нее потратил, когда ей в конце девяностых в голову взбрело в Америку ехать, мужа себе искать. А она – судя по тому, как все в доме организовано, – его и не навещала даже.

– А когда ей? Замужняя дама. То на Лазурке, то на Бали, – усмехнулся Дима. – И дом бы этот она сразу продала. Вот, кстати, еще причина. Отец твой не хотел, чтоб родовое гнездо из семьи ушло. Понимал, что родной его доченьке сантименты по барабану, с глаз долой – из сердца вон, на вырученные деньги – очередную шубку с машинкой купит. А ты окажешься достойным хранителем фамильной собственности.

– Полуянов! Ты дьявольски мудр.

Они свернули с уже родной Березовой улицы, и сразу перед глазами замаячил Дворец черного короля.

Надя вновь поразилась:

– Ну и громадина! А безвкусный какой!

– В девяностых годах считалось круто... – глаза Полуянова загорелись. – Пойдем, полазим?

– Тебе сколько лет? Десять?

– А что, вдруг клад найдем? – размечтался журналист.

Наде совсем не улыбалось бродить, в элегантном плаще и с сумочкой, по каким-то развалинам. Тем более лестницы не имелось. Перед входом лежало с десятков бетонных плит, и забираться в строение следовало по железным ушкам, торчащим из их боков.

Но Полуянов, взбудораженный, словно детсадовец, тараторил:

– Надь, да это вообще элементарно! Давай я тебя подсажу.

Пришлось лезть.

Надя брезгливо отряхнула плащ от мокрой цементной пыли, аккуратно, чтобы никуда не вляпаться, вступила в заброшенный дом. Какой тут клад – банальная свалка! Гнилые матрасы, бутылки, рваные колготки (страшно подумать, что здесь происходило). На стенах уже не граффити – банальные гадости: «Ленка Кривошеева всем дает». «Хочу девчонку, телефон...»

А Полуянов словно и не замечает всей этой мерзости. Носится по дому, восторженно комментирует:

– Зал, метров двести квадратных, чума! А это ванная, Надь, ты только посмотри! Больше нашей гостиной! Вот это размах!

Ее мало интересовали чужие (да к тому же несостоявшиеся) мечты. Подошла к окну. На широкий подоконник (весь в осколках кирпича) облокотиться не рискнула. Даже отсюда, всего-то с первого этажа, поселок казался жалкой, бедненькой деревенькой. А если из пентхауса смотреть – наверняка Гулливером в царстве лилипутов себя ощущаешь.

И вдруг увидела: к дворцу бодрым шагом движется стайка подростков. Трое парней, две девицы. Одна еще ничего, в джинсах, а вторая вообще страх божий: красные колготки, мини-юбка, каблук. В дачном поселке, в дождь! Причем фигурка куда плотнее, чем у Нади, ляжки из-под юбочки – как у бройлерной курочки. Парни ржут, то и дело красавицу по попе оглаживают. В пакете звенят бутылки.

– Дим! – Надя кинулась к Полуянову. – Сюда народ идет. Я боюсь.

Тот подошел, выглянул в окно. Снисходительно произнес:

– Ну, дети. Собрались на пикник. Чего бояться-то?

Подростки первым делом закинули на бетонные плиты пакет. Потом полезли сами. Девица (которая в джинсах) вскарабкалась сама. Зато ту, что в мини-юбке, отталкивая друг друга, подсаживали под попу все трое.

– Может, уйдем по-английски? – шепнула Надя.

– Зачем? – удивился Полуянов.

Взял ее за руку и вышел навстречу компании.

Подростки увидели их, заржали.

– Ой! Дядька с теткой! – ахнула девица в красных колготках.

Один из парней хмыкнул:

– Вы че, бичкомеры?

Второй толкнул его в бок:

– Глаза разуй! Чепушу негде просто. Сюда свою марамошку привел.

Полуянов холодно взглянул на подростка. Коротко бросил:

– Язык придержи.

Надя сжалась. Молодняк очевидно нетрезвый, борзый. Сейчас как начнется!

Но ничего не случилось. Парень – под Диминым взглядом – будто похудел. Забормотал миролюбиво:

– Да че, мы ниче. Жалко, что ли? Места много, всем хватит.

Девушка в джинсах выступила вперед, прищурилась:

– А это не вы – дяди Рыбакова дочка внебрачная? Та, которой он дом отписал?

– Ну, я, – призналась Надя.

– Везет кому-то... – девушка в красных колготках завистливо взглянула на Надю, пробормотала: – И плащик у тебя класный. В «Наф-нафе», что ли, брала?

– В «Максмаре», – сухо отозвалась Митрофанова.

То, что на распродаже и в «стоке», уточнять не стала.

– Ясен дел. Красивая жиза, – буркнула деваха.

И резко отвернула от них – в глубь дворца. Парни – бычки за красной тряпкой – потащились за ней. Последней, понуришь плечи, двинула девушка в джинсах.

А Надя – едва Полуянов помог ей спуститься на землю – спросила:

– Дим! «Чепуш» – это я поняла, от слова «чепуха». А марамошка – кто такая?

– Ну... это на их языке прекрасная дама, – смутился он. И подвел итог: – Не бери в голову.

* * *

Суббота пролетела незаметно, воскресенье еще быстрее. Едва успели прогуляться, потом навести в доме минимальный порядок – и вот уже прохлада, расппеваются птицы, солнце деловито спускается к горизонту.

– Пойдем на крыльце посидим, – предложил Дима.

Вынес из дома, ловко разместил на крохотном пяточке два продавленных кресла, табуретку (в качестве стола). И даже Митрофановой маленькую скамеечку притащил: «Ноги поставишь». Пили чай с сушеной мятой – Надя нашла ее в отцовских запасах. Ели булочки из сельского магазина. Слушали лягушек и стрижей. Красный шар солнца неохотно скатывался все ниже. Дачники запирали дома и возвращались в Москву.

Полуянов взглянул на часы, зевнул:

– Надюх, может, не поедем сегодня? Мне завтра к двенадцати.

– А мне к девяти.

– Опоздай. Прогуляй.

– Слушай, я забыла! – оживилась она. – У меня ведь законный отгул есть!

Схватила телефон, немедленно позвонила шефине – и получила у нее разрешение завтра на работу не приходиться.

Показала Диме язык:

– Вот и езжай к двенадцати. А я буду отдыхать. И вернусь в Москву только вечером. Или, может, вместе останемся? У тебя ведь график свободный.

– Надь, да я в редакцию вообще не собираюсь, – поморщился Полуянов. – Другие дела. Мне к двенадцати в полицию.

– Зачем?

– Хочу с Савельевым встретиться, – буркнул журналист.

– Это по поводу тех мошенников? Благотворителей?

– Ну да, – кивнул Дима.

– Расскажешь?

– Грустная, Надюх, тема. Для весеннего томного вечера.

– Все равно Расскажи.

Она чувствовала: ему надо выплеснуть тяжелые мысли.

И Дима начал:

– Есть такой мальчик. Юра Горелов, десяти лет. Рак в четвертой стадии, метастазы по всему организму, врачи единодушны: шансов нет, только паллиатив. Но родители все равно хотят его в Германию везти. На это деньги и собирают. С помощью одного фондика благотворительного.

– А на самом деле Юры Горелова нет?

– Есть. И он реально болен. И его – по-настоящему! – отвезут в Германию. Но вот толку от этого не будет никакого. Этот фонд, похоже, специально ищет абсолютно безнадежно больных детей. Причем выбирают обязательно маленьких, миленьких, светленьких, из небольших городков, с русскими фамилиями. Все, чтобы на жалость давить. Поднимают в Интернете шумиху. Открывают сбор средств. Причем добрые люди не только платят – еще перепосты активно делают.

Он замолчал.

– А что дальше? – поторопила Надя.

– Дальше фонд собирает тысяч двести-триста евро. И везет ребенка в Германию. Обычным рейсовым самолетом – хотя таких детей можно только на спецборту, они ведь при смерти фактически. Однажды у них ребенок в аэропорту умер. Недавно – прямо в самолете. Но некоторые – да. Даже долетели до клиники. И обследование начали проходить. Но умерли все равно. Так ведь было задумано. Изначально.

– Ты хочешь сказать, что этот твой фонд специально такое творит? Они заранее знают, что дети умрут? Но тащат их в Германию?!

– Похоже, что да.

– А в чем их выгода?

– Смотри, Надя. Получает фонд минимум двести тысяч евро на ребенка. А тратит – только на самолетные билеты. Немецкие клиники – если пациент сразу умер – честно возвращают всю предоплату. Но наивным благотворителям об этом, конечно, не говорят.

– И у тебя есть доказательства?

– Я их сейчас собираю, – уклончиво ответил журналист. – Дай бог Юрочке Горелову здоровья! Будем ждать, как у него дела пойдут. Если как у всех – будем уголовное дело возбуждать. По заявлению. Кого-то из благотворителей. Тебя, например. Ты заплатила им кровных тысячу сто, что для библиотекаря крупная сумма, и требуешь проверить, на что потрачены твои деньги. Напишешь?

– Конечно! – она не сомневалась ни секунды. – А текст мне самой придумать?

– Надь, я, конечно, нахал, но свою работу на тебя переваливать не буду, – усмехнулся он. – А вот какую-нибудь котлеточку али блинчик с мясом – это я бы потребовал.

– Заказ принят, – Надя легко вскочила с кресла. – Пойдем только в дом. А то прохладно уже. И комары.

– Может быть, мне за пивом сходить, раз мы в Москву не едем? – предложил Полуянов.

Обычно Надя в ответ на подобные предложения всегда ехидничала. Особенно если накануне еще и водку пили. Но сегодня ворчать не стала. Дачная жизнь, в конце концов, вся и состоит из маленьких милых радостей.

Девушка, напевая, отправилась на кухню. Полуянов поспешил в магазин. Кресла с крыльца не убрал. И на одном из них так и остался лежать любимый Надин синий плащ – с белыми ромашками по подолу.

* * *

На следующее утро

Готовить на чужой, да еще холостяцкой кухне непросто, но ужин вчера удался, да и завтрак сегодня оказался весьма достойным. В конце концов, яйца для омлета вместо венчика можно взбить вилкой, хлеб, в отсутствие тостера, подсушить на сковородке, а кофе сварить в кастрюльке.

Митрофанова проводила Димку на работу нежным поцелуем, сама закрыла за ним ворота. Сменила игривый (специально брала с собой) халатик на старинный спортивный костюм и вышла на крыльцо.

Утро сверкало росой и ослепительно-синим небом. Надя протиснулась боком между кресел (Дима вчера так и не убрал) и спустилась в сад. Глаза разбегались: столько всего нужно сделать! Первым делом, решила, надо наглые одуванчики выдрать – они ее почему-то особенно раздражали. Митрофановой прежде никогда не приходилось заниматься прополкой. Она нацелилась на мощную связку желтоголовых цветов – и вытащила из земли только стебли. Попробовала еще раз – снова корни остались на месте. Нет, так не пойдет. Нужно подкапывать. А для этого найти какую-нибудь ковырялку.

В дальнем углу сада стоял сарай. Надя на выходных пару раз звала Диму: «Пойдем посмотрим, что там!»

– А чего смотреть? Грабли какие-нибудь, – отбивался равнодушный к хозяйственным делам журналист.

И, оказалось, не ошибся.

Грабли, тяпки, лопаты, древняя газонокосилка, ржавая бензопила. Выцветшие, просроченные пакетики с семенами. Груда дров. Пустые, запыленные трехлитровые банки – видно, еще от жены остались. Пара ящиков со старыми газетами.

И сундук, куда Надежда немедленно заглянула.

Эх, зря Полуянов с ней не пошел – емкость оказалась до краев набитой книгами. Все вперемешку: «макулатурные», застойных времен Стендаль, Дюма, Стивенсон. Подписные Гоголь и Чехов. «Новый мир» с Солженицыным. Детективы Адамова. Почти все Стругацкие. А на самом дне – несколько толстых тетрадок.

Надя открыла одну из них – с пожелтелыми страницами, в псевдокожаном рыжем переплете.

На первой странице – каляки, фигурки принцесс, рожи и криво выписанная надпись: «ПОВЕСТЬ КАК ЖИЛ ЧЕЛОВЕК».

Далее следовал подзаголовок: «Годы долгие про вас мы напишем наш рассказ». И

подпись: Рыбакова Анжелика. Четвертый класс.

Ничего себе! Творчество ее сводной сестры.

Надя успела подумать, что читать чужой дневник нехорошо. Но немедленно открыла первую страницу:

«11 февраля 1988 года. Сегодня решила вести дневник жизни. Пригодится для потомков. Вчера Наташка Воран притащила свой чемодан календариков. Поменялись одним. Сдохла скалярня. Папа сказал, что, когда я вырасту, по этой книге можно будет написать книгу, вроде «Динки». Но писать не о чем. Это в 1917 году было интересно, а сейчас ничего».

Надя улыбнулась, пролистала несколько страничек:

«Сегодня на завтрак была жареная картошка. Объедение! Папа умеет ее жарить. Потом очень здорово катались с ним на лыжах. Правда, горы были маленькие. К маме пришел дипломник, испанец. У него смешное и длинное имя Де Лас Касас Альфонсо Педро. 13 марта. Ирина Валентиновна сказала, что освобожденные от физкультуры должны мыть лестницу. Но почти все освобожденные сказали: «Что мы, нанялись?» И ушли. И я тоже. 14 марта. Сегодня концерт по абонементу в консерватории. Была «Русская музыка». Тоска ужасная. Я пересчитывала трубы у органа. В буфете была черная икра. Я сегодня мылась».

Надя зевнула, захлопнула тетрадку, вернула ее в сундук. Надо бы позвонить сестре, которая, на самом деле, ей совсем чужой человек. Сказать, чтобы забрала свои личные вещи. Там, в сундуке, и груда бумаг имелась. Письма, наверное. Их уж точно читать непорядочно. Хотя – волнуй это сестрицу, давно бы забрала.

Зато для Нади отцовская переписка – отличный шанс понять, что за человеком был ее родитель. Явно не самым обычным. Полное равнодушие к внебрачной дочке – и миллионное наследство. Сухая должность бухгалтера – и справочники по стихосложению.

Митрофанова наугад сунула руку в пачку бумаг.

На сером от времени и пыли листе всего две строки:

*Меж двух огней, гиен и змей,
Мой сад, мой милый, личный ад.*

Как-то плоскогато.

Но Надя не стала засовывать листок обратно в гуцу бумаг – положила сверху. Секунду подумала – и взяла всю пачку. А также все исписанные тетрадки. Не место им в сыром сарае. Отнести в дом и прочитать – когда будет время и настроение.

Поднялась на крыльцо. Снова протиснулась между двух кресел. Вот Полуянов бесхозяйственный! Чего стоило убрать еще вчера вечером! А теперь сиденья все влажные – утром выпала роса. И тащить тяжело. Но что делать? Отволокла в дом сначала одно, потом другое. Вернулась за табуреткой и подставочкой для ног.

А где ее плащ?

Она еще раз оглядела крыльцо. Заглянула в дом. На вешалке нет, на тумбочке в коридоре тоже. Может, в шкафу? Или на диване в гостиной? Или Полуянов куда-то сунул? Нет, не видно.

Опять вышла во двор, огляделась. Нету. Неужели украли? Но кто и как?

Забор – метра два, калитка и ворота были заперты. «Может, я его в машине забыла?»

Димке позвонить, спросить? Нет, Надя. Не дергай ты его. Здесь твой плащ был. На крыльце».

Она подошла к забору. Встала на бетонное основание и на цыпочках легко дотянулась до верхней кромки. Попробовала подтянуться – почти получилось. Да, не преграда для любого, кто чуть более тренирован.

Досадливо спрыгнула на землю. Вот тебе и мирный, дружелюбный поселок! Трех дней здесь не прожили – уже украли вещь. От «Максмары». А что дальше будет? Вломаются в дом?!

Настроение мгновенно испортилось. Да еще с соседнего участка вдруг раздалось отчаянное кудахтанье. Вопль, визг. Потом, кажется, свист топора (Надя зажала уши). Увидела: из сарая за забором, взрывая лапами мокрый гравий, в панике выскочили две аккуратные белые курочки. Потом показалась хозяйка. В руке и правда топор. Она что, будет и им головы рубить?! Прямо тут, во дворе?

Митрофанова бросилась к дому. Но на пороге не удержалась. Притормозила, рассмотрела даму как следует. Вот это персонаж – только в фильме ужасов сниматься!

Очень светлая кожа неестественно гладко облегает полные щеки. Глаза подтянуты к вискам, словно скотчем. Губы пухлые, щедро подкачаны силиконом. И – внимание! – в крови. По шее тоже красная жижка течет.

Надя тихонечко отворила входную дверь, но скрыться не успела. Бабища отшвырнула топор, кинулась к забору, что разделял их территории, и заорала голосом унтера Пришибеева:

– Ты кто такая?! Что на чужом участке делаешь?!

Надя психанула:

– Орать на меня не надо!

– Да ты как разговариваешь! Воровка! Шваль! Гнида лобковая! – дама начала надуваться, будто индюшка в предчувствии драки. – Да я тебя сейчас на десять лет закрою! У меня муж – генерал ФСБ!

И сосисками-пальцами выхватила из кармана шелкового халата с драконами мобильник в красном, кровавом корпусе.

– Э... – Митрофанова растерялась. – Я вообще-то соседка ваша новая. Мне Кирилл Юрьевич Рыбаков этот дом завещал.

– Тебе?! – тетка раздулась еще больше. – А с какой стати тебе? Кто ты вообще? Риелторша черная? Или любовница его?

Наде стало смешно.

– Мужу своему позвоните. Пусть он по базам ФСБ проверит.

– Ты... Да как ты смеешь?!

Белые курочки наконец прекратили лихорадочно носиться по участку. Жались у дальнего угла забора, просительно поглядывали на Митрофанову – спаси, мол, нас!

– Давайте не будем ссориться, – миролюбиво произнесла Надя. – Я здесь абсолютно на законных основаниях.

Повернулась и пошла к дому.

И услышала в спину, очень отчетливо:

– Главная здесь я. А ты никто. Ноль.

Резко обернулась.

Тетка, так и не вытерев с подбородка кровавых разводов, стояла на прежнем месте и гаденько улыбалась.

«Надя, стоп! – приказала себе Митрофанова. – Ссориться ты все равно не умеешь. Вот и

не берись».

Прибавила шагу, вошла в дом, захлопнула дверь. Взгляд упал на отцовское творчество – стихи лежали в коридоре на тумбочке:

Меж двух огней, гиен и змей...

Кажется, Надя понимала, о ком здесь речь. Две отвратительные соседки.

Одна – демонстративно не здоровается. Вторая – пьет куриную кровь и закатывает скандалы. Еще и плащ украли. Как там в стихке? «*Мой личный ад*»?

И мигом пропало очарование. Может, и не выпалывать одуванчики? А продать отцовское наследство – и купить дачу в более дружелюбном месте? Не зря говорят: ничего хорошего даром не достанется.

* * *

Савельев позвонил без четверти двенадцать. Голос виноватый (для правоохранителей наших почти немислимо).

– Дим, ты выехал уже?

– Подъезжаю, – соврал журналист.

На въезде в столицу он все-таки попал в пробку и теперь опаздывал на добрых сорок минут.

– Прости, Полуянов. Сегодня я никак не смогу.

– Тогда вы мой должник, – не растерялся Дима.

– Надейся, – усмехнулся Савельев.

И бросил трубку.

Дима почти не обиделся. Журналисту ни на кого обижаться априори нельзя. А на полковника полиции – тем более.

Познакомились они с Савельевым много лет назад. Оба тогда были молодые, наивные, наглые. Карьеру мечтали сделать. Молодой опер (в то время лейтенант) нынче подобрался к власти куда ближе, чем Дима. Носил погоны полковника, оброс связями, сидел на Петровке.

И мог, мог бы хоть за час позвонить! Дима бы тогда на даче остался. А что ему теперь делать? Разворачиваться и ехать обратно к Надюшке? Но он уже сквозь основные пробки пробился, к Третьему кольцу подъезжает. Глупо гонять туда-сюда. Лучше дома поработать спокойно.

Едва повернул к ВДНХ, позвонила Надежда:

– Дим, у тебя еще встреча не началась?

– Пока нет, – он не стал вдаваться в детали.

– Слушай, а у меня тут такое!

И начала причитать: плащ пропал, с соседкой поругалась.

– И еще Библию ты забыл, мне теперь ее в электричке везти! Или тут оставлять. Еще страшнее!

Полуянов снисходительно усмехнулся: истинная женщина. Информации, как всегда, полно, и все в кучу. Но было приятно, что *только он* (и больше никто!) может эту ситуацию разрулить.

Дима и разрулил:

– На плащ наплюй, куплю тебе новый.

– Нет таких в продаже! Он из старой коллекции!

– Не волнуйся. Найду, – опрометчиво заверил Дима. И продолжил раздавать указания: – Библию на дно сумочки положи, спокойно вези и не дергайся. Про соседку неадекватную тоже все выясню. Фамилию узнала?

– Да, – гордо отозвалась Надюшка. – Лана Сумцова. Какая-то крутая. На пальце бриллиантище. И «Мерседес» новый во дворе.

– И кур сама режет.

– Не просто режет – кровь их пьет!

Дима еле сдерживался, чтоб не заржать. Но сказал серьезно:

– Не волнуйся, Надюшка. Пристроим мы гражданку Сумцову.

Положил трубку – и немедленно выбросил митрофановские смешные проблемки из головы. Сейчас главное – благотворительный фонд.

Приехал домой, даже кофе не попил, сразу кинулся за компьютер.

Первым делом открыл блог, посвященный Юре Горелову. Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Куча вопросов в комментариях: «Как вы? Где? Как себя мальчик чувствует?» И ни единого ответа. Хотя раньше здесь и менеджеры благотворительного фонда регулярно отмечались, и родители подробно отчитывались чуть не о каждом прожитом дне.

Ладно, а что на сайте «трех Д»? Глупое, на самом деле, название. Ненужные ассоциации вызывает. Делай Детям Добро. Дай Дорогу Дураку. Или просто: Дураки. Дураки. Дураки. Трижды. Мы все, кто мошенников кормит.

Тишина, конечно, на сайте. Хотя Юрина фотография по-прежнему висит. И реквизиты банковские остались.

Дима – уже по памяти – набрал номер фонда.

Занято. Наглухо.

Поставил на автодозвон. Сварил кофе. Выпил. По-прежнему короткие гудки.

Дима хмыкнул, выключил мобильник – и позвонил с городского.

– «Делай детям добро», слушаю вас! – тут же отозвалась секретарша.

Полуянов постарался изменить голос:

– Я переводил деньги на лечение Юры Горелова, хочу узнать, как у него дела.

– Мальчик в Германии, проходит лечение в клинике, доктор Штраубе надеется на ремиссию, – заученно оттараторила девушка.

– В какой именно клинике он находится?

– Это закрытая информация. Спасибо, что беспокоитесь. Не переживайте, ситуация под контролем.

И бросила трубку.

Дима позвонил снова. Короткие гудки. Похоже, телефоны, с которых задают неудобные вопросы, сразу вгоняют в черный список.

Он вернулся на сайт Юры Горелова и открыл страничку с биографией мальчика. Обтекаемо все написано – будто специально. «Один из городков Владимирской области», «лучший ученик гимназии, теперь вынужден учиться на дому», «папа – на двух работах, мама ухаживает за больным сыном и его младшим братом». Пожалуй, вот только что: «До болезни Юрочка занимался самбо и занимал призовые места на областных соревнованиях».

Дима начал со звонка в федерацию и довольно быстро (часа не прошло) добрался до бывшего Юриного тренера.

Тот вздохнул:

– Да плохо все у парня. Отца вчера видел – черный от горя. Юрка в коме, врачи предлагают жизнеобеспечение отключить.

И запоздало занервничал:

– А вам зачем?

Дима не стал притворяться благотворителем – сказал правду. Что журналист и выясняет, реально ли фонд помогает мальчику.

– Черт его знает, – задумчиво произнес тренер. – Болеет Юрка – это правда. И деньги на поездку им фонд реально дал, даже с излишком. И клинику оплатил, они мне гарантийное письмо показывали. Но вы отцу позвоните, он вам лучше все расскажет.

И продиктовал Полуянову номер.

Дима решил не торопиться.

Однажды осечка уже случилась.

Две недели назад фонд «Делай детям добро» отправил в Германию девочку Люсю. Тоже рак, последняя стадия, светлые волосы, пронзительный, печальный взгляд.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

См. об этом в романе А. и С. Литвиновых «Эксклюзивный грех».